

Весь Александр Черкасов

Федот

Из воспоминаний прошлого

Мне хочется познакомить читателя с одной замечательной личностью, которая здравствует еще в настоящее время и живет в Барнауле.

Личность эта — Федот Спиридонович Тузовский, человек несколько ниже среднего роста, с русыми волосами и русой же бородкой, теперь уже несколько поседевшей. Склад Федота, по-видимому, не из выдающихся, но он пропорционален и крепок. Умные голубоватые глаза его теперь уже потеряли живость и блеск, несколько помутнели и как будто слезятся, но с первого же взгляда говорят о бывалой бойкости и проницательности русского простолюдина. Вообще Федот крайне симпатичен по своей наружности.

Спросите в Барнауле кого угодно — и старого и малого — и все знают Федота, а если кто и приостановится, чтобы сообразить, то скажите только «бабушку» и вы тотчас получите утвердительный ответ.

— Федота-бабушку? Знаю, знаю. Как не знать бабушку?

В настоящее время Федоту Спиридоновичу

под 70 лет, но он еще бодр и свеж и настолько сохранил свое здоровье и силы, что держит лично ямщину и ни одна общественная охота не обходится без его менторства.

Федот по своему происхождению крестьянин из деревни Моховой Калманской волости бывшего Барнаульского округа. В то блаженное время, когда Кабинетские горные заводы имели приписных крестьян, как это было в Алтайском и Нерчинском округах, Федот был сдан не в солдаты, а по тогдашнему положению, в бергалы, то есть в горные работники. Много мытарств прошел он на этом поприще, верой и правдой отбывая свою долю во многих местах этого обширного края. Был на золотых приисках, был на рудниках, служил в заводах; работал кайлой и лопатой, долбил буравом и кирочкой, а более всего проводил службу около лошадей; бывал простым конюхом, ямщиком и настоящим заправским кучером. И везде Федот Спиридонович не терял присутствия духа, умело исправлял возложенные на него обязанности, понимал, как угодить нередко своенравным управителям, был любим ими и никакая работа не вываливалась из его рук.

Вся его служба как-то так слагалась, что он попадал под управление людей, которые любили охоту, и Федот, будучи сам не охотником, постоянно служил им на этом поприще чаще всего

в роли конюха, кучера, гребца или рулевого на лодке.

Федот Спиридонович, при всем желании иметь наследников, остался бездетным. В силу этого семейного несчастья он взял на воспитание сироту, так называемого Сашку. Вскормив и взлелеяв пасынка, он думал найти в нем помощника и утешение под старость, но, увы, вышло не совсем так: возмужавший Сашка начал попивать и освоил разные неподобающие порядочному человеку искусства. Не видя проку в пасынке, Федот дошел до того, что должен был отделить этого неблагодарного человека. Он наделил его, как родного сына, чем только мог и женил, но Сашка вздумал с ним судиться, и дело кончилось тем, что Федот Спиридонович совсем отказался от своего приемыша, который через несколько лет, замотавшись уж вовсе, умер от разных неумеренностей жизни. Все это доказывает человечность Федота, этой недюжинной, уважаемой всеми личности.

Когда в царствование Александра II повсюду благотворно повеяло свободой, и миллионы людей были освобождены от крепостной зависимости, то эта льгота была распространена и на приписных крестьян, и на горнорабочих или бергалов Кабинетских заводов. Федот Спиридонович, выйдя на волю, зажил по своему усмотрению. Мы не

будем строго последовательны в его новой сфере вольной жизни, но скажем коротенько, что он, поселившись в Барнауле, в собственном доме, несколько лет находился охотничьим кучером у известного местного охотника Егора Богдановича Пранга.

Федот кортомился¹ у него на целый год и возил г. Пранга на своих лошадях зиму и лето на все охоты, где только представлялась возможность побывать неутомимому охотнику. Все это сделало из Федота настоящего ментора по части охоты, и он настолько изучил приемы охотников и познакомился с местностью, что смекает всякую штуку, чтоб угодить известной личности и знает не только все места охоты в окрестностях Барнаула, но помнит все сухопутные и водные пути до мельчайших подробностей; знает наизусть все тетеревиные и дупелиные тока, любимые места дичи, полевые избушки, колодцы, озерки, протоки, старицы, осенние перелеты тетеревей и все выдающиеся березы, на которые они садятся и где устраиваются балаганы для чучелиной охоты.

Федот до того изучил всех известных в Барнауле охотников, что, зная норы каждой личности, сумеет угодить всякому, а к новому

---

¹ Кортомить — брать в аренду землю, лес во временное пользование.

человеку тотчас подладится, найдет его слабую струнку и своей угодливостью и старанием попадет «в клей». Словом, человек этот для многих собратов по оружию — незаменимая личность и равного соперника ему нет. У некоторых Федот лишь вожак для отвода мест для охоты, у других он не только ментор, но настоящий пестун, и тут он расправляется деспотически, — командует не только собакой, но самим охотником и заставляет его идти туда, куда стрелок не домыслит по своей горячности и непрактичности. Когда же заметит, что охотник «обазартился», стал непростительно пуделять, Федот вежливо отводит его от места охоты и успокаивает отдыхом, а если меры недействительны, то без церемонии отбирает ружье и просит остыть.

Тут на Федота сердиться невозможно: он так ловко делает этот маневр, что горячая личность, уступив своему ментору, тотчас согласится с его разумными практическими доводами. А разве нет из нашего брата таких, которые горячатся до того, что палят мимо в самых удобных случаях и, пуделяя несколько раз сряду, забывают всякую осторожность, подвергая других и лично себя неизбежной опасности.

Здравый смысл, вежливость обращения, опытность во всем охотничьем обиходе, умение подладиться к личности, безукоризненная

честность и трезвость заставляют каждого собрата по оружию невольно любить и уважать Федота Спиридоновича. Он делается необходимым сочленом, надежным товарищем всякого охотящегося с ним. С кем поехал Федот, у тех сама собой является уверенность в успехе охоты и в том, что с таким ментором не думается о какой-либо опасности.

Все гости-охотники, приезжавшие в Барнаул, познакомились с Федотом и все остались довольны этой замечательной личностью. Я знаю, что некоторые из них до сих пор помнят Федота и нередко передают ему искренние братские приветы. Надо видеть радость этого достойного и уважаемого человека, когда кто-либо из знакомых передаст ему радушный поклон от далеко уехавшего гостя. Он отлично помнит всех и каждого, охотившихся с ним; расскажет характеристику до мельчайших подробностей, и в каждом его слове вы увидите ту неподдельную любовь, какая является от братского расположения, увидите ту наблюдательность, какая присуща только умным и проницательным людям. Ни одна черта характера не скроется перед Федотом. Перед ним всякий охотник как на ладони — и худые, и хорошие стороны он подметит сразу. Но поделится ими только с теми, с которыми он поближе, в ком видит своих друзей. Ничего лишнего от него не

услышите, и где нужно — там Федот безответная могила.

В разговоре с «хорошими людьми» Федот словоохотлив, говорит метко и любит по-своему рифмовать речь. Иногда спросишь его.

— Ну, а этот каков?

— А он, барин, ни ворона, ни птица, а чистая тупица. Вот привези его к одному месту в один день пять раз, так он выставит глаз и все будет думать, что новое...

— Ну, Федотина! А помнишь, приезжал сюда Га-н, как он, по-твоему?

— Га-н? Александра Маркыч? Как не помнить, славный барин! И вострящий, и стрелок настоящий! Он, брат, где побывал, там кажинный куст на памяти держит, кажинную лужицу или болотинку помнит. А вот дупелей, барин, на току не стрелял, ни-ни! И ходил только до вечера, а как начнет смеркаться, так и шабаш, не то что наши охотники бьют до самых потемков, чуть не в упор. Нет, он как заметит, что дупелишки начнут «трещать» на току, так и к телеге, — давай, говорит, Федот, собираться да чай варить, — на что их губить...

Что касается достоинства человеческих чувств, то я лично убедился в его высокой, истинно христианской душе. Не могу забыть, как однажды спросил его о смерти Егора Богдановича Пранга, с

которым он так долго ездил на все охоты. Федот вместо ответа сначала зарыдал, как ребенок и долго не мог овладеть собою, чтоб передать мне всю скорбь и братскую память к человеку, покончившему самоубийством в припадке давно угнетавшей его меланхолии. Каждое слово Федота было проникнуто искренней любовью, уважением и неподдельной дружбой к этому доброму человеку.

После смерти Пранга Федот сам захворал не на шутку, долго не мог оплакать эту потерю и от постоянной мысли о таком тяжелом событии, которое он предвидел и всеми силами старался предотвратить, дошел до болезненной галлюцинации и сам чуть-чуть не отправился в царство теней. Только серьезные меры жены Федота спасли его от ранней смерти. Трудно верить тому, что рассказывает Федот про свои видения не только во время сна, но даже в часы бодрствования. Это тяжелое состояние, продолжавшееся несколько месяцев, заразительно подействовало и на жену Федота, так что и она стала видеть облик покойного патрона своего мужа, но как умная женщина, вовремя приняв меры, помогла себе и своему совсем осунувшемуся мужу.

Вот уже после смерти Пранга прошло более десяти лет, но и теперь стоит только спросить Федота об этом печальном событии, как он тотчас заговорит в нос и невольные слезы побегут по

щекам этого доброго человека, так искренне помнящего своего барина-друга.

Ни одна облавная охота в Барнауле не устраивается без Федота. Тут он главный распорядитель или лучше сказать советчик и деятель по части облавы. Федот находит загонщиков, подводы, покупает харчи для людей, распоряжается угощением, самым ведением загонов, нередко постановом стрелков, — голос Федота начинает и заканчивает облаву.

Трудно верить, чтобы человек в таких преклонных летах был настолько подвижен, неутомим и крепок силами. Например, на чучелиной охоте Федот, как ямщик, довозет охотников на место, сделает балаганы и отправляется верхом в загон тетеревей; а чучела ставит на присадку так искусно и ловко на самые высокие деревья, что иногда страшно смотреть на этого старика, когда он, как искусный акробат, хватается за сучки, перебирается по ним все выше и выше и иногда висит на одних руках высоко над землею. В искусстве подгонять к балаганам птицу Федот настоящий виртуоз; он никогда не ошибется в расчете и не прозевает, если раненая тетеря отлетит на сторону.

Словом, Федот Спиридонович по своей умелости, распорядительности, честности и веселому характеру незаменимая личность для

многих охотников нашего барнаульского кружка.

Когда Федот, еще в молодых годах, был в тайге, на Царево-Николаевском золотом прииске, по речке Федоровке, впадающей в реку Артон, то находился в услужении у пристава Осипа Андреевича Пазникова, известного силача и зверового охотника. Надо заметить, что этот Пазников обладал такой невероятной силой, что, например, бычачьи кожи протыкал большим пальцем, как бумагу, а живых быков и лошадей уносил на себе, как телят, и был очень крутого нрава, что грозило опасностью, особенно тогда, когда этот зверь кутил запоем иногда по несколько недель сряду. Но и тут Федот вышел целым, умея угождать своему господину. Однажды летом Пазников поехал промышлять на «Голец», куда во время жаров удаляются от комаров и овода почти все звери. У Осипа Андреевича были замечательные зверовые собаки, которые не трусили медведей и, останавливая их, давали хозяину возможность бить из винтовки.

Взобравшись высоко на «Голец», Пазникову попалась громадная медведица. Взятая им на пробу большая собака тотчас бросилась на зверя без всякой осторожности, но получила такую оплеушину, по выражению Федота, что «кумельгой» отлетела на несколько сажень и бросилась без памяти в тайгу, так что ее и

впоследствии нигде отыскать не могли. Тогда, в нужный момент маленькая лайка, остановив зверя, дала возможность Пазникову убить медведицу. Медвежата, уже с большую собаку, побежали наутек, но другие собаки остановили их и прижали к каменистой россыпи. Пазников, бывший «на взводе», не стал «мараться» охотой на них, а приказал бывшему с ним Федоту порешить их.

Возражать не представлялось возможности — и вот Федот с одним топором пошел скрадывать медвежат, отбивающихся лапами от освирепевших собак. Ему удалось убить обоих обухом по переносью так удачно, что при всем его страхе не вышло никакой борьбы с молодыми зверями. Но все дело в том, что Федот и теперь не может хладнокровно вспомнить те моменты, когда медвежата, получая удары от его топора, ревели, «как ребята», таким жалобным воем, как бы плачем, что у него вывернуло всю душу и сердце, — так что он заплакал; но его грозный командир назвал за это Федота чем-то хуже, чем бабой, и велел тащить к лошадям еще бьющихся в агонии животных, которых теребили собаки.

Кстати сказать, я знал в Томске одного страстного охотника г. Танара, который лично рассказывал мне, что он, убив на своем веку несколько медведей, перестал на них охотиться потому только, что однажды на берлоге, застрелив

большую медведицу, увидел двух небольших медвежаток, которые выползли из теплого гайна, взобрались на бездыханную уже мать и затащили такой раздирающий душу дуэт, что он тут же заплакал, бросил на снег штуцер и дал себе слово более не ходить за медведями на берлоги. Он уверял, что концерт осиротевших животных был так грустно ужасен и так походил на плач горюющих детей, что он растерялся, заткнул уши и, убежав от берлоги, не знал, что делать с медвежатками... Этот мотив скорби так врезался в его душу, что, при подобном плаче детей, он невольно вспоминал мохнатых сироток на трупе своей матери и снова подтверждал данное себе слово.

Однажды, уже впоследствии, с Федотом был довольно замечательный казус, которого он тоже не может забыть и нередко рассказывает о нем, как о происшествии, глубоко его оскорбившем. Дело в том, что в Барнаул приезжала комиссия для определения якобы существующих злоупотреблений в Алтайском округе. Председателем этой комиссии был некто Р., большой любитель охоты и хороший стрелок. Вместо того, чтобы лично ездить по местам и проверять якобы преследуемые беспорядки, господин Р. нашел более удобным сидеть в городе и принимать всевозможные доносы и кляузы, думая

этим скользким путем добраться до истины в своей квартире, без всякой проверки. Когда же пришло время охоты на молодых тетеревей, то охотничья струнка заговорила в рьяном председателе, и он, по рекомендации местных охотников, стал ездить с Федотом на охоту.

Федот, желая угодить его превосходительству, возил генерала по лучшим тетеревиным местам и получал за это хорошую плату. Но вот однажды Федот повез с утра председателя по Гоньбинской дороге, то есть по Московско-Барнаульскому тракту, затем свернул на тетерыи места в Землянушку, потом побывал на Шаховских логах, затем заехал к озерам и, наконец, уже вечером отправился домой по Павловской дороге. Подъезжая к Барнаулу, пришлось проезжать между кустарников около Волчьей гривы.

Его превосходительство тотчас заметил, что Федот везет его персону не по той дороге, по которой он ехал утром. Его взяло сомнение, а может быть, и тяжелое раздумье за свои грехи, а потому генерал вообразил, что Федот, вероятно подкуплен и строит ему ловушку, где могут намять бока справедливо недовольные действиями председателя комиссии, который действительно не вникал в суть дела, а все свои воззрения заключал на ложных изветах тех личностей, которые за рубль готовы были сочинить что угодно и составляли

одонки человечества; или же основывался на вопиющих кляузах тех перлов новейшей формации добропорядочности, кои, например, страховали свои домишки в гораздо большей сумме их стоимости и потом, поджигая их, жгли неповинных соседей; напаявали слабых людей и обирали их до последнего гроша и т. д., — словом, тех, которых, как негодяев, выпроваживали из собраний и не принимали ни в одно порядочное общество... Тут г. Р. дрогнул душою, схватил Федота за плечо и грозно спросил.

— Стой! Куда ты, подлец, едешь?

— В Барнаул, Ваше Превосходительство!

— Как в Барнаул? Разве мы этой дорогой ехали утром?

— Никак нет, Ваше Превосходительство! Утром мы ехали трактом, а теперь ворочаемся по Павловской дороге.

— Врешь! Я не поеду этим путем. Выезжай на тракт, на проволоку!

— Да помилуйте, генерал, теперь это невозможно. Мы сделали круг, а на тракт выедем этой же дорогой.

— Стой, подлец, и не шевелись! Это какое место?

— Это Волчья грива, Ваше Превосходительство.

— А где Барнаул?

— Да вот за гривой и город стоит.

— Гм! Как же это так? А далеко ли до города?

— Нет, версты две по тракту, да столько же по проволоке.

Не известно, чем бы кончилась эта история, если бы не вмешался в разговор секретарь комиссии и адъютант председателя, прекраснейшая и симпатичная личность. Он, преспокойно сидя в тарантасе, хладнокровно выслушивал неосновательные подозрения и недоверие к ямщику и, взвешивая резонные ответы Федота, едва уговорил его превосходительство успокоиться и ехать, куда его везут. Только тогда Р. приказал трогаться и все время, пока не выехали на тракт, держа ружье наготове, озирался во все стороны...

Как это характеризует доверенную особу! Его превосходительство, вероятно, вообразил, что попал не в порядочное общество образованных людей, а в вертеп сибирских разбойников! Недаром в Барнауле сложилась характерная басня про действия этой интересной комиссии...

Я сказал выше, что слово «бабушка» служит как бы пояснением к личности Федота. Это прилагательное так сроднилось с существом Федота, что он без нее точно не Федот. Если скажут «бабушка», то невольно вспомнишь о нем и наоборот.

В какую бы деревню ни приехал с Федотом,

непреренно явятся личности, которые не замедлят свернуть это слово, и если прозевают, то получают такого шороха от кнута Тузовского, что долго помнят неуместную шутку, потому что Федот крайне не любит, если простолюдины дразнят его «бабушкой».

Но многие шутники не упоминают этого слова, а сисподволь донимают Федота, — как бы незаметно, в разговоре, различными принадлежностями бабушки-повивалки. Они упоминают о «мыльце», «веничке», «вехотке» и проч., а если Федот Спиридоныч прозекает сам, то эти школяры непременно запихнут под его сиденье мочалку или голик и караулят, когда Федот заметит их проказу, тогда все с хохотом разбегаются в стороны и прячутся, потому что Тузовский иногда предвидит проделку и показывает вид, что будто не замечает, но держит бич наготове и в нужный момент поймает, как он говорит, «на пулю» виновника — да так огреет плетищей, что шутник поневоле завертится, как родильница и забудет о принадлежностях «бабушки».

Никогда и нигде не проходит так, чтобы при появлении Федота обошлось без каких-либо острот на его счет. С интеллигенцией он сдерживается, отделяется шутками или сам метко острит над той личностью, которая его заденет.

Однажды целой компанией приехали господа

на перевоз через Обь и ждали, пока переправятся люди. Тут что-то сострил аптекарь насчет Федота. Тогда Тузовский перестал выпрягать лошадей, подошел к рабочим и громко сказал.

— Господа перевозчики! Не перевозите вот этого лохматого барина, он не совсем в уме, должно быть, рехнулся, ей-Богу, тронулся разумом!

Все, конечно, знают суть и только хохочут.

На дворе г. Карпинского Федот рано утром запрягал в охотничью тележку лошадей и торопился, потому что запаздывали с отъездом. В это время Карпинский, совсем уже готовый сесть в тележку, вышел из комнаты и заметил, что по тротуару идет беременная женщина; он скараулил момент ее появления против открытых ворот, подтолкнул Федота и показал на ворота.

Федот оглянулся и увидал проходящую женщину.

— Что-о?! — сказал он строго. — Вы должно быть, не выспались или разумом сшевелились, вам надо проносного, вот и станете на точку, а то вы не в здравом рассудке.

Однажды, тоже к перевозу, приехал с Федотом тот же шутила Карпинский и остановился дожидать паром. Тут подходит к нему какой-то толстущий брюхан, кланяется и говорит.

— Вот и хорошо, Владимир Александрович, что вы подъехали с Федотом Спиридоновичем,

только не увозите его, пожалуйста.

— А что?

— Да чисто замаялся, батюшка! Должно быть, последние дни дохаживаю, видите, в каком я положении?

— Ах ты, собака брюхатая! — кричит освирепевший Федот. — Чтоб тебе, пузану, взаболь не разрешиться до вечера!

И общий гомерический хохот раздается на берегу, только Федот косится на толстяка, помахивает бичом и посылает ему всевозможные пожелания.

Но всего забавнее была такая история: все тот же Карпинский, возвращаясь с охоты, переехал на пароме Обь и дожидался, когда Федот подпряжет отстегнутую пристяжную. В это время какой-то незнакомый проезжающий с женой пил на берегу чай; а когда управился, то, собрав свои пожитки, сложил в экипаж и уже поехал, но жена пошла сбоку. Вдруг незнакомец остановился и без всякого умысла относительно Федота спросил жену.

— А ты, Спиридоновна, не забыла ли мыльце?

Это слово Федотина отнес к себе, отскочил от коня, схватился за бич и кричит проезжающему.

— Что-о? Вот я те, паршивого, как врежу бичом, так забудешь и умываться, чистотел полоумный! Сволочь непутная!

Словом, подобным анекдотам относительно

так называемого нами «Федотины» несть конца, и они повторяются едва ли не ежедневно.

Почему Федота Спиридоныча дразнят «бабушкой», никто хорошенько не знает, но толкуют, что ему когда-то довелось принимать у родильницы младенца, об этом узнали зубоскалы — «пошла писать губерния». Так, значит, и до могилки...

Ныне, 21 февраля, чтоб хоть немного проветриться, мы целой компанией ездили за зайцами. Федотина, конечно, распорядился облавой, командовал загонщиками и по обыкновению огрызался от всех тех, кто проезжался насчет «бабушки». Все хоть и кончилось благополучно, но мне лично эта охота памятна будет навек тем, что меня обидели несправедливым замечанием... Возвратясь домой, я все еще не мог уходить, досадуя на несправедливость, как вдруг является Федот и по обыкновению просит написать счет, по которому ему нужно собрать деньги с тех лиц, которые участвовали в охоте, а всех нас было десять человек. Увидев Федота и обрадовавшись его появлению, я ожил душой, и мне пришла фантазия подуматься с горя, что со мной бывает нередко.

Я взял пол-листа бумаги, спросил подробно расчет и живо, экспромтом, написал вирши, конечно, ничего не говоря Федоту. Он сидел и ждал

расчета, начинающегося так.

Счет Федота

(За охоту на зайцев 21 февраля)

Что хотите говорите —
Мыльцем, веничком дразните,
Но в карманы загляните —
Счет проверьте и смекните,
Коли лень вам — погадайте,
Деньги ж бабушке отдайте —
Нужно людям раздавать,
Где придется «повивать».

Ф е д о с ь я

Ниже я написал подробный расчет и передал листок Федоту, пользуясь тем, что он человек неграмотный.

— На, брат, тащи! Теперь все дома, и ты со всех возьмешь по 86 копеек, — сказал я ему, подавая рюмочку бальзамки.

— Благодарю! — молвил он, ничего не подозревая.

Прежде всего Федот заявился в дом старого охотника г. Платонова, где была компания.

— Тебе что надо, Федотина? — спрашивает хозяин.

— А вот извольте получить счетец за охоту.

— Ну-ка давай!

Берут листок, смеются и громко читают сперва вирши.

Федот сначала слушает, недоумевает и не верит ушам, затем, когда дочитали до конца, он по обыкновению говорит грозно.

— Что-оо?!

Все хохочут. Федот то свирепеет, то сам смеется.

— Ну уж и господа! Охота вам этаку пакость читать?... И нашли же вы, кого выбрать в городские головы! Неужели у вас повыгоднее-то господина Черкасова никого не нашлось? Эх вы!..

Кто-то поддержал Федота, а потом потихоньку, с подходца, толкует о том, что его ремесло неодинаково с моим и т. д.

— Что-о?! — огрызается опять Федот. — Ну, вы можете и помалкивать, вы ничем не отличаетесь от нашего головы: обоих вас надо в лазарет на несколько лет, вот и сгинет забота обижать Федота...

8 марта 1886 г.

Альфред Брем

Воспоминания

I

В 1884 году телеграф разнес по всему образованному миру печальную весть о преждевременной кончине знаменитого натуралиста доктора А. Брема. Эта удручающая новость дошла и до нашего Барнаула, и не было ни одного образованного человека, который бы не пожалел в душе эту знаменательную личность, не погрузился бы о такой утрате ученого мира. Все до единого, как знакомые лично, так и не видавшие Брема, одинаково оплакивали такую потерю. Везде, куда только ни придешь, толковали о ранней смерти ученого. Многие говорили о его бессмертных трудах, и немало было таких, которые возлагали надежды на его будущие записки. Но с этой печальной вестью все последние упования исчезли, как дым, и всякий говорил или только думал, что судьбы Господа неисповедимы, зная здоровую натуру доктора Брема.

Альфред Брем, автор столь известного сочинения «Иллюстрированная жизнь животных», которое переведено на все языки цивилизованного мира, родился 2 февраля 1829 года и скончался 13

ноября 1884 года в Рейтендорфе, на 55 году жизни.

Сказав такой коротенький панегирик от всего теплого сердца, мне хочется почтить доброю памятью эту выдающуюся личность и передать в своих воспоминаниях хоть о тех днях, которые Брем провел в Барнауле; но и в такой короткий период он, познакомившись лично со многими, оставил и в этом небольшом кружке сибиряков самые теплые чувства дружбы и неподдельного братского расположения.

Весною 1876 года мы с радостью узнали, что Брем уже путешествует по южной окраине Алтая и в скором времени будет в Барнауле. Я тогда еще служил в Сузунском медеплавильном заводе и соболезновал о том, что лично не увижу такого популярного человека. Какова же была моя радость, когда меня, как управляющего заводом, потребовали по делам службы в Барнаул. Я ожил надеждой повидаться с Бремом, а с этим чувством явилось упование провести с ним несколько дней и побывать на охоте, так как о таком предположении я слышал ранее, когда еще только ожидали приезда любимого натуралиста.

Как известно, ученая экспедиция в Западную Сибирь организовалась на средства германского правительства и состояла под управлением ученого мужа О. Финша, а доктор Брем и граф Вальдбург-Цейль были как бы его сотрудниками и

членами экспедиции. Едва ли только путешествию Брема не содействовало в материальных средствах и наше правительство. По крайней мере мы слышали о такой субсидии еще раньше приезда дорогих гостей в Барнаул, а что касается особых распоряжений по всем тем управлениям, где должны побывать ученые люди, были предварительные сообщения в том смысле, чтоб местные власти оказывали чужеземным гостям всевозможное содействие, предупреждая и исполняя их желания и требования. Нечего и говорить, что барнаульская интеллигенция, без всяких настояний, хорошо понимая обязанности порядочного общества, чествовала путешественников, как только могла, по своим средствам.

Кажется, в конце мая или начале июня, хорошенько не упомню, ожидаемая экспедиция прибыла в Барнаул и поместилась в особо приготовленной квартире, хотя и невзрачной, но на главной, Иркутской улице, в самом центре когда-то знаменитого «Златогорска», так неправдоподобно окрашенного досужими пустозвонами всевозможными вымыслами, которые, к сожалению, читает эксплуатируемая публика и верит этим сказаниям, похожим на сказки из «Тысячи и одной ночи».

Во время этого посещения на Алтае был

горным начальником Юлий Иванович Эйхвальд, крайне любезная и симпатичная личность, которая умела радушно принять и угостить дорогих гостей. Нечего и говорить, что г. Эйхвальд виделся с Бремом каждый день то у себя, то у него на квартире. Когда же начальник делал более дружеский, нежели официальный обед, чувствуя ученых путешественников, то и мы, собравшиеся в Барнаул управляющие со всех концов обширного Алтая, участвовали за этим столом и лично покороче познакомились с достойными представителями науки. Нельзя не заметить однако же того, что многих из нас, за исключением г. Эйхвальда, кровного немца, стесняло незнание немецкого языка настолько, чтоб можно было говорить на этом диалекте. По этому случаю нам приходилось почти только слушать нескончаемые рассказы красноречивого Брема и не раз пожалеть о том, что не можем лично делиться своими впечатлениями с гостями, а затруднять постоянно хозяина, как переводчика, было не совсем удобно. Впрочем, когда мы порядочно подвыпили, то уже не стеснялись и говорили где одними главными словами, где пантомимой лица, где руками, и хохоту не было конца.

Все три путешественника были очень простые, веселые и симпатичные люди, а в особенности Брем. Он всех присутствующих

смешил до слез, в особенности когда на столе оказывалось порядочное количество пустых бутылок со всевозможными русскими и заграничными этикетками. Все-таки надо сказать, что господа Финш и граф Вальдбург-Цейль несравненно серьезнее и как бы черствее весельчака Брема, к тому же они не обладали той развязностью и даром красноречия, что было в избытке у последнего. Вообще эти личности как-то не так располагали к себе, как Брем, которого и они слушали с видимым удовольствием и как бы гордились своим красноречивым собратом. Финш и граф как-то держали себя не так, — что вытекало из их натуры, — что с ними и на «втором взводе» приходилось быть на приличной дистанции, тогда как Брем сразу так сердечно, братски располагал к себе, что невольно представлялось, будто ты давным-давно знаком с этим милейшим человеком. Общее между ними было то, что они все трое не стеснялись выпивкой и могли перепить всех нас, взятых вместе, нисколько не выходя из границ дружеской беседы, а будучи, что называется, только «веселы». Но и тут Брем отличался от своих товарищей: он пил гораздо больше и был все-таки не слабее их.

Нельзя забыть того завтрака, 13 июня, в день святого Антония Падуанского, у аптекаря г. Сандзер, на котором гости кушали, не стесняясь и

удивлялись изобилию сибирского угощения в том смысле, что на громадном, прилично сервированном столе, кроме иноземных закусок, стояли на блюдах большие части телятины, ростбифа, ветчины, целые поросята, индейки, галантированная* нельма и прочие принадлежности сибирского жирноядения. Недоставало только пельменей, но этим туземным кушаньем угостили дорогих путешественников впоследствии, и пельмени им очень понравились, но не совсем удобно отразились на непривычных немецких желудках, так что Финш и граф оба порядочно прихворнули, только один Брем благополучно вынес и эту пробу сибирского хлебосольтва.

На завтраке Брем был крайне весел, пил и ел за троих и в это же время рассказал в юмористическом духе целую историю о «пище святого Антония», что и подобало при таком удобном случае.

Однако же, несмотря на эти дружеские и почти ежедневные угощения, Брем вставал довольно рано и находил время вести свои путевые заметки прямо набело и тотчас посылать их своей супруге в Берлин для печати.

Он писал эти записки или письма всегда стенографическим способом чрезвычайно скоро, что, конечно, крайне сокращало и время, и труд. Письма такого сорта я видел своими глазами и,

конечно, не мог не удивляться талантливости и изумительной способности этой замечательной личности.

Что Брем умел читать по-русски, то и в этом мне пришлось убедиться лично. Когда мы познакомились с ним поближе, мне захотелось презентовать ему свой мизерный труд, и я, по совету г. Эйхвальда, поднес ему свою книгу в хорошем переплете. Брем дружески поблагодарил меня за подарок, крепко-крепко потряс мою руку и, взяв книгу, громко и четко, с расстановкой, прочитал по-русски заглавие — «За-пис-ки охо-тни-ка Во-сточ-ной Си-би-ри»; а когда увидел на первом пробельном листке разборчиво и четко написанную мною приличную надпись и четверо-стишие, то обратил внимание на последнее и начал было читать, но не мог, а потому обратился ко мне с вопросом: «Вас ист дас?» Я сначала прочитал ему по-русски.

Брем! Муж познаний и науки,
Когда заснуть не можешь ты —
Возьми, брат, эту книгу в руки
И сон прервет твой мечты...

Он, видимо, не понял и потряс головой, а когда я тут же передал ему немецкий перевод, сделанный мне стихами же доктором

Гопфенгаузом*, то Брем расхохотался, замахнулся на меня книгой, обнял по-братски и поцеловал три раза. Затем подали кофе, он бросил свои занятия и показал мне боевые доспехи — два превосходной работы двухствольных дробовика и такой же штуцер. К сожалению, у одного дробовика была переломлена в шейке ложа, так что Брем ужасно кипятился, ругая наши сибирские пути на перекладных экипажах. Он спросил меня, можно ли в Барнауле поправить эту поломку и когда получил отрицательный ответ, то с грустью покачал головой, посмотрел на ружье, потом запел какую-то веселую песенку и аккуратно уложил ружье в приспособленный ящик.

Впрочем, он тут же объяснил мне, что не особенно соболезнует о том, что печальный жребий выпал на то ружье, которое хуже, потому что его любимая двухстволка работы мастера Лейе, 16-го калибра, цела, и он ее бережет, как зеницу ока. Впоследствии я убедился, что Брем говорил правду, так как эта централка была великолепно — кучно, резко и далеко, вследствие чего я и просил его помочь мне приобрести такую же от того же мастера. Он с удовольствием обещал, но только тогда, когда вернется в Берлин из экспедиции, а в это время написал мне только адрес, куда и как обратиться. Когда я узнал о возвращении Брема домой, то немедленно послал по указанному адресу

200 рублей и просил г. Лейе выслать мне ружье точно такое же, как у Брема. Дело кончилось тем, что я ждал более года, не имея никакого извещения, почему писал повторение мастеру, а потом уже жаловался Брему, но он в это время был в Австрии и уведомил, что поругал за неисправность Лейе, который обещал ему тотчас исполнить мой заказ. Но как раз в эту пору у нас в России вышли строгие меры относительно приобретений огнестрельного оружия, и я только через московское комиссионерство да заграничное знакомство своего товарища едва-едва выходил этот заказ. Стоил он мне более 250 рублей, но полученное ружье и вполнину не равнялось против того, каким обладал Брем.

В день рождения нашего сослуживца и собрата по оружию, 14 июня, собралась большая компания у виновника торжества Владимира Александровича Карпинского. Конечно, любезный хозяин пригласил и дорогих заграничных гостей, но на семейный праздник явился только один Брем, потому что его спутники прихварывали после понравившихся им пельменей. Вечер прошел крайне оживленно и весело; Брем, по обыкновению, много рассказывал, смешил и любезничал с хорошенькими дамочками. Тут мы пригласили его на дупелиную охоту, с тем, чтоб ехать на лодке завтра утром. Брем крайне любезно принял наше

предложение и пожелал тут же узнать, кто именно из нас поедет охотиться, чтобы сейчас же ближе познакомиться с ними. Желających ехать нашлось более 10 человек, так что дорогой наш гость даже удивился такому числу присутствующих охотников и весело спрашивал, кто и как из нас стреляет.

Получив сдержанные ответы, он несколько прихвастнул, посмеялся над нашей стрельбой и сказал, что он, конечно, всех нас обстреляет, потому что бьет дупелей без промаха.

Уговорившись окончательно между собою, мы решили ехать на трех лодках, с тем, чтобы на одной путешествовала за нами приличная закуска с необходимой на этот раз прислугой. Окончив совещание, мы попросили Брема быть готовым к пяти часам утра и ждать лошадей, на которых он должен будет приехать к сборному пункту. Брем, поблагодарив еще раз за любезность, сказал, что он не проспит и аккуратно прибудет к назначенному месту.

II

В утро 15 июня тихо и матово выкатилось солнце из темной дали обширного Заобья. В воздухе царил тишина и только с реки потягивало приятным влажным холодком. Серые чайки плавно носились над Обью, как бы бесцельно кружились

или тряслись над одним местом и бойко бросались в воду на намеченную жертву. Приготовленные лодки давно стояли на месте у берега, ожидая отъезда, но было еще рано, а потому удалые гребцы сидели беззаботно на берегу, толкуя между собою, да покуривая коротенькие «носогрейки». Город пока спал; только заботливые дворники то подметали улицу, то гремели пустыми бочками, отправляясь за обской водой, потому что вода Барнаулки нечиста и жестка. Растрепанные стряпки выгоняли в калитки коров, то благословляя, то прогоняя увесистым прутом на поле; молочные буренушки, то, тихо помыкивая, выходили на улицу, то, задрав хвосты, опрометью выскакивали из дворов и, делая разные неграциозные «антраша», бежали в переулок... Кое-где на кухнях топились уже русские печи, и дым ровными столбиками поднимался над пробуждающимся городом. Некоторые обитые металлом кресты на церквях горели ясными звездочками от лучей тихо показывающегося солнышка. По скотским проулкам поднималась легкая пыль и слышалось мычанье коровушек, оставляющих за собой характерный запах на свежем утреннем воздухе...

Было уже около пяти часов, когда я подъехал с разными принадлежностями к сборному пункту. Хозяин дома, уважаемый старичок Козлов, вышел навстречу, совсем уже готовый к отъезду, и,

приветливо поздоровавшись, радостно сказал.

— Ну и день будет богатый!

— А кто сказал вам об этом?

— Как кто сказал? Да разве вы не заметили, как плавно и без блеска выплыло солнышко, а это, батенька, у нас, стариков, первая примета. А вот как вынырнет вдруг да заблестит сразу, ну то и говори, что толку не будет.

— Савелий Максимович, все ли у нас готово?

— Мое все в исправности, лодки на месте, люди готовы, а что касается до других, то не знаю.

Показалась телега, и наш штатный официант Афанасий Панкратьевич появился со всеми принадлежностями полевой обстановки, с приличным количеством разной закуски и немалым числом разнообразных бутылок, из которых некоторые стояли в ведрах, наполненных льдом и только выказывали свои залитые особым сургучом горлышки. Поговорив с нами, он проехал на берег и стал укладываться в приготовленную для этой цели особую лодку.

— Интересно, много ли охотников соберется? А желающих было немало, — сказал я.

— А вот посмотрите, что и половины не будет.

— Ну? Не может этого быть.

— Всегда так бывает, я уж, откровенно говоря, привык, — сказал Козлов.

В это время к нам подъехали трое. Пошли приветствия, толки, и все мы с нетерпением поглядывали вдаль по Иркутской улице, где у квартиры Брема стоял наш первый извозчик Федор Воронин.

На колокольне пробило пять часов.

Мы уселись на скамеечку у ворот и все еще поджидали других товарищей, но, увы, более не было никого, а вместо охотников, верхом и пешком, прилетели посланцы с разнокалиберными записочками. В этих цидулах мы прочитали различные мотивы вежливого отказа. Кто проспал и не подготовился, у кого заболела головушка, кого уговорила жена, а кого и «мама не пустила».

— Ну, что? Правду я вам говорил? — сказал Козлов, лукаво посмеиваясь.

Мы только пожалы плечами, подтрунили над многими собратами и заметили, что к Воронину из подъезда вышла здоровенная фигура Брема, положила на длинные сибирские дроги охотничьи принадлежности и покатила в нашу сторону.

Когда подъехал к нам экипаж, мы все встали и дружески приветствовали Брема, но он окинул нас опытным взглядом и весело заметил, что еще вчера на вечере составил себе понятие о тех личностях, которые действительно собрались ехать и тех, кои давали свое согласие из одного приличия.

— А это отчасти и лучше, — заметил он

шутя, — потому что большое количество охотников не везде возможно и удобно, особенно на дупелиной охоте.

Мы покурили, немного побеседовали, затем весело отправились к лодкам.

Оказалось, что нас собралось всего шесть человек: Брем, Савелий Максимович Козлов, аптекарь Мориц Адольфович Сандзер, инженер Владимир Алексеевич Таскин, лесничий Антон Викентьевич Турчанович и я. Тут надо заметить, что г. Сандзер в сущности не охотник, а поехал с нами из желания чествовать дорогого гостя и как переводчик, а г. Таскин — приятно провести время в дружной компании и побывать в обществе Брема, этой мировой известности.

Так как погода стояла тихая, а приготовленная лодка была настолько солидных размеров, что могла свободно принять и еще, пожалуй, такое же количество охотников, то мы все очень удобно разместились по лавочкам судна, комфортабельно уселись на ковры и подушки так, что Брем был у нас в середине, как раз на первом месте от рулевого. Отсюда ему было удобно наблюдать широко видимые окрестности берегов Оби и говорить со всеми нами.

Превосходное июньское утро, радостно отражаясь на всех нас, как-то располагало говорить без умолку и замечать в окрестностях те частности,

которых мы как бы не видали прежде, точно их тут никогда не было. Все это мы заметили над собой сами, тут же посмеялись друг над другом и приписали такое состояние особому настроению души, которая в известный момент восторженнее относится ко всему тому, что прежде, при других условиях, казалось обыденной вещью. Брем восхищался грандиозностью громадного разлива воды на широкой сибирской реке и пытливо окидывал взором эту массу вод, клубящуюся до пены, вертящуюся местами воронками и все это, вместе взятое, плавно несущееся к далеким берегам холодного моря.

Надо заметить, что в это время стояла «коренная» вода, которая обыкновенно в нашем крае подходит несколько позже весеннего водополья. Бывает однако же и так, что коренной разлив застает весеннее повышение воды, является «водой на воду» — и тогда все окрестности громадной реки покрываются необозримым морем, так что все луговые места и их небольшие возвышенности затопляются сплошь водой. Лесные колки и острова затопляются иногда настолько, что видны только одни верхушки деревьев, а пароходы ходят прямым курсом и без всякой опасности переплывают заросшие кустарником острова и гривы. В такое время долина Оби представляет собой что-то грандиозное, с чем шутить нельзя, а

путешествуя по бурным волнам, заставляет быть крайне осторожными и умелых пловцов. Малейший риск, а тем более неосторожность ведут к неминуемой опасности и опытного человека.

По замечанию народа «коренная» вода обыкновенно является в то время, когда начинает цвести шиповник или «заплачет» береговая ива. Случается, что этот наплыв приходит валом и вдруг затопляет все окрестности, а несущаяся масса воды до того поднимается на середине «опупком», что вся река превращается точно во взбитую перину в синей наволочке, которая своей необъятной громадностью поражает взор каждого наблюдателя. При быстром же спадении воды бывает совершенно обратная картина. Тогда русло Оби кажется логом, течение усиливается, и вся лишняя вода стремительно сливается с затопленных лугов поперек к течению реки. В первом случае всякий пловец показывается как-то высоко на воде и точно плывет по синему холму, а в последнем и большие лодки кажутся маленькими ладьями, несущимися по низкой долине.

В тихое утро плавно и бойко плыли наши лодки вниз по широкому раздолью коренного разлива реки. Было чем полюбоваться на этом просторе; все это рельефно отражалось на состоянии духа Брема, и он все восхищался многоводной рекой, сравнивая ее с другими, а,

цепляясь за эту нить, много рассказывал о своих путешествиях. Скоро мы наискось пересекли все водное лоно и пристали на незатопленные гривы противоположного берега, около речки Чебачевки. Тут мы вылезли из лодки, поправились и любезно указали Брему лучшие места, где можно встретить дупелей.

Собак с нами не было, и мы попросту, разместясь рядом на позволяющих по месту дистанциях, пошли около мочажин. Скоро начали срываться дупеля и пошла пальба. Я шел рядом с Бремом и, по счастью, нисколько не торопясь, убил уже трех, между тем, как чествуемый нами гость начал сначала не выдерживать и пуделять при удобных выстрелах.

— Хе! Доннер Веттер!* — то и дело восклицал Брем, провожая глазами улетающего долгоносика и на ходу заряжая свою централку.

Но вот он, сделав удачный дуплет, громко закричал «Ура! ура!» и тут же, как нарочно, из-под самых его ног вылетел дупель; Брем приложился и спуделял снова.

— Хе! Швайнерай! Швайнерай!** — кричал он уже тише и хохотал над своей неловкостью, видя, что мы по первому крику остановились и обратили на него внимание. Мы нарочно не трогались с места, закурили папиросы и как бы дали возможность поправиться дорогому гостю. Он

воспользовался этой паузой, утер с лица пот и закурил сам. Затем мы отправились далее, но скоро прошли незатопленные гряды и должны были воротиться, чтоб уехать на другое место, где, по нашему предположению, можно было встретить более обширное поле с наилучшим запасом дичи.

Подойдя к лодкам, мы любезно предложили выпить «шнапсу» и «заморить червяка». Брем тотчас обратил внимание на это последнее выражение и попросил нашего переводчика г. Сандзера объяснить ему, что оно значит; затем просил дословного перевода и, получив таковой на немецком языке, записал в свою памятную книжку.

На Чебачевке нам удалось убить только несколько долгоносиков, так что собственно охота не интересовала, а потому Брем рассказывал свои похождения, пил, не стесняясь, преимущественно красное вино и изрядно закусывал сибирскими пирожками. Он говорил, что в Германии таких вещей не готовят и что их «фрауен»* пробавляются более на картофеле и колбасе.

Но вот все уселись в лодку, гребцы дружно налегли на весла, и мы снова покатили вниз по воде.

Наш дорогой собрат был крайне весел и в игривом расположении духа, а потому говорил без умолку и смешил нас различного покроя анекдотами.

Между прочим он рассказал нам, что однажды в одном богатом доме были гости, которые попросили хозяйку, превосходную музыкантшу, сыграть что-нибудь на рояле. Она пошла к инструменту, а гости тихо расселись по стульям и диванам. Между тем хозяйка, перебирая кипу нот, никак не могла найти те, какие ей понадобились. Многие помогали ей в этом, но безуспешно — ноты точно провалились сквозь землю. Наконец, муж хозяйки заметил, что одна особа сидит выше других на стуле около рояля; он тотчас догадался, в чем дело, подошел к даме и попросил ее встать, говоря, что она сидит на тех самых нотах, которые составлены для фортепьяно, а вовсе не для духовых инструментов.

Так как мы этого курьезного рассказа не слышали ранее, то эффект был полный, и с тех пор этот анекдот иначе не назывался в Барнауле, как «бремовским».

Между прочими рассказами Брем предложил нам, уже как охотникам, такой вопрос:

— Если за зайцем гонятся две собаки — одна черная, другая белая, то почему он более боится последней и удирает преимущественно от белой?

Мы делали разные предположения и никак не могли догадаться, в чем дело. Тогда Брем, смеясь от души, объяснил нам, что испуганный заяц все-таки соображает и боится белой собаки потому, что он

воображает, что черная бежит за ним в одежде, а белая наоборот — сбросила с себя «фрак» и дует в одной сорочке, что, конечно, облегчает ее бег.

На это Сандзер тотчас нашелся и задал ему вопрос такого сорта.

— Ну вот вы, мосье Брем, натуралист, так скажите, пожалуйста, под какой куст преимущественно прячется заяц во время дождя?

Брем в свою очередь, как ни ворочал мозгами, не смог, как и мы, отгадать соли вопроса; он делал различные предположения, но не попадал на суть и, наконец, гомерически расхохотался, когда Сандзер шутливо сказал ему, что так как идет дождь, то несчастный заяц прячется преимущественно под мокрый куст, а не под какой-либо особой породы...

Когда мы подъезжали к так называемому Токаревскому лугу, то нам попался на ветке кустарникового побережья Оби «синий воробей» — вид зимородка. Брем тотчас заметил эту довольно редкую в Сибири птичку и убил ее для своей коллекции.

Он просил нас достать замечательное гнездо этой пичужки, но никто из нас не дал такого обещания, потому что синий воробей делает свое гнездо в крутых берегах, в земле, и собирает его чрезвычайно искусно из самых мельчайших костей добываемых им рыбок, за которыми он, как пуля, бросается в воду. Многие пробовали и ранее

приобрести это замечательное гнездышко, но никогда не могли добыть его в целости, так как в рыхлом грунте обваливающаяся земля всегда портила эту затейливую и нежную работу милостивой птички. У меня как-то была только часть такого гнездышка и нельзя было не удивляться той способности к труду, какими снабдила мудрая природа синего воробья для такой кропотливой работы, чтоб собрать и склеить свой домик из таких маленьких рыбьих косточек.

Гнездо нашего зимородка всегда пахнет рыбой; даже самая земляная норка несет этим неприятным, смердящим запахом. Всякий наблюдательный здешний охотник, конечно, не один раз видал, как красивая птичка в шелковисто-синем оперении неподвижно сидит где-нибудь на ветке или сучке неподалеку от своего гнездышка, смотрит в воду и караулит добычу. Синий воробей и при виде проплывающих охотников или рыбаков неохотно оставляет свой пост, — или же быстро перелетает прямым полетом куда-нибудь в укромное место, хитро прячась от наблюдательного глаза. Сколько раз случалось, быв на воде, недоумевать при неожиданном бульканье на ее поверхности, не видя, отчего оно произошло. Точно кто пошутил и бросил с берега камешком. Невольно оглянешься и посмотришь в сторону, но при дальнейшем наблюдении увидишь, что это

булькнул в воду не камешек, а синий воробей, который делает этот маневр так стремительно и вместе с тем тихо, что надо удивляться его способности бросаться на свою жертву стрелой. Выждав несколько секунд, вы увидите, что где-нибудь тут же распахнется снизу вода и из нее вырвется, большей частью с добычей, синяя птичка, которая моментально скроется в кусты, сядет на веточку, отряхнется и станет закусывать пойманной рыбкой или же понесет ее в свою норку, чтобы покормить своих деток. Если же наблюдатель подкараулит момент появления птички из воды, то он только разве услышит глухой всплеск и увидит на поверхности небольшие круги, расходящиеся от центра и помаленьку теряющиеся на тихом водяном зеркале.

III

Часов около десяти утра мы уже причалили к Токаревскому лугу или, лучше сказать, большому Обскому острову, который тянется на несколько верст, занимая большую поверхность по квадратному измерению. На нем пропасть сенокосных дач, лесных колков, всевозможной формы озер, береговых кустарных зарослей и таких грив, какие не заливаются и коренной водой. Тут бывает иногда множество дупелей, которые

гнездятся и выводят молодое поколение, несмотря на то, что бьют их с самой весны охотники и переводят промышленники, несмотря на запрещение ловить силками и сетями на токовищах. Промышленность эта ужасна в смысле истребления дичи, а исполнители закона слишком слабы для того, чтобы преследовать этот варварский способ.

Нередко сами блюстители порядка заведомо покупают из первых рук давленных дупелей и просят промышленников снова приносить дичь в их широкие ворота. С ранней весны промышленники ездят по известным местам и «выслушивают» дупелей, где они «трещат» по вечерам; этим способом отыскивают тока и затем разбивают на них свои снасти, — преимущественно узкие полотнища сетей, связанных из тонких нитченок и поставленных «на слаби» на маленьких колышках, — вот и вся премудрость. Но эта премудрость так убийственна, что забравшийся промышленник в корень уничтожает всех дупелей на току, ловит их иногда целыми сотнями, связывает десятками или как придется, вешает на куст или шест, стреляет в кучку мелкой дробью — дескать, «не давлены, а стреляны, смотрите, вот доказательство налицо», — и со спокойной совестью едет прямо в город, где и продает, смотря по времени и конкуренции, от 5 до 20 копеек за парочку. Таких дупелей покупают с охотой не

только исправники, мировые «привередники», но и повыше их власти и блюстители закона. А кстати сказать, сколько миллионов яиц утиных, гусиных и тетерьих собирается весной народом — и все ничего! Точно никто об этом и не знает; зато многие отчеты по губерниям как красно говорят о повсеместном уменьшении дичи и плачут об этом формальным порядком.

Не замечая сучка в своем глазу, и мне приходится сказать, как охотнику, что и мы на этот раз поехали на охоту в самое неблагоприятное время, но это прощалось нам потому только, что приходилось чувствовать такого проезжего гостя, как доктор Брем.

Выйдя на Токаревский берег, мы разместились тем же порядком и, по указанию старого охотника Козлова, превосходно знающего местность, отправились по тем незатопленным лугам и гривам, где преимущественно водились дупеля.

Брем ходил по-прежнему рядом со мной, и в то время, когда начали чаще срывать с мочагов дупели, он тотчас убавлял шаг и постоянно покрикивал мне и другим: «Лангзам! Лангзам*!»

Тут он стрелял очень порядочно и пуделял редко. Никогда не забуду я того случая, как из-под моих ног тихо вылетел коростель и с отвислым задом, болтаясь и неуклюже, потянул прямо передо

мной и Бремом. Мы оба выстрелили по два раза по очереди и все-таки не убили этого негодного каналью, будто нарочно подразнившего нас. Брем остановился, снял шляпу и, кланяясь отлетающей и напуганной нашими салютами птице, шутливо послал вдогонку массу всевозможных немецких проклятий, наконец, заключил чистойшей русской бранью, — затем расхохотался, плюнул и попросил остановиться, чтоб покурить. Между тем он свернул комочки газетной бумаги, запихал их в стволы и моим шомполом продавил эти пыжи сквозь свою централку, чтоб очистить ее от накопившейся грязи. Я все время стоял около него, заряжал свое «Дау» и не мог удержаться, чтоб не хохотать, вспоминая наши пуделя по какому-то паршивому коростелишке и всю штуку, проделанную веселым натуралистом. Брем, отлично понимая, над чем я смеюсь, сказал, что он, приехав в Россию, прежде всего научился ругаться.

Пройдя изрядное пространство и порядочно поколотив дупелей, мы заметили, что они не в малом количестве перелетели на особую гриву, отделенную от нас целым лиманом заливной воды. Мы позвали людей и помогли им перетащить с берега лодку по сухому лугу через несколько десятков сажен, чтоб спустить ее на этот лиман; затем любезно предложили гостю переплыть на ней к той гриве, куда перекочевали разогнанные нами

долгоносики.

Брем охотно принял предложение и отправился туда один, а мы нарочно остались, чтобы дать ему возможность вдоволь натешиться и отвести охотничью душу. Лишь только он попал на эту гриву, как загремели частые выстрелы и только некоторые дупелишки, срываясь от Брема, перелетали опять на нашу сторону и, конечно, тут же погибали то от одного, то от другого члена нашей компании. Наконец, перестреляв и разогнав всех, Брем, усталый и мокрый от пота, переехал к нам, крайне довольный своей охотой.

Мы предложили ему пока покончить и отправиться завтракать, но тут снова пришлось тащить посуху лодку, и Брем лично принял участие в этой работе, так что наше судно полетело по траве, как по воде и скоро очутилось на прежнем месте.

Придя к удобно устроенному привалу под сенью густых кустов, мы прежде всего смыли с себя пот и кровь, сбросили лишнюю одежду и, с особым удовольствием пропустив шнапсу, развалились на коврах и подушках.

Но вот поспел чай и яйца всмятку, «в мешочке» — кому как любо, а из откупоренных корзин и ящичков вылезла всевозможного сорта закуска. Так как было уже более 12 часов, то все, проголодавшись, ели на славу и пили, кому чего

хотелось. Наконец, вылезли из льда заветные бутылочки, тихо шипя, откупорились головчатые пробки, запенились бокалы холодненьким редерером, и мы дружно провозгласили тост за здоровье нашего дорогого гостя; раздалось громкое «ура», которое подхватила вся наша прислуга, и этот душевный возглас далеко полетел по всему Токаревскому лугу. Брем, соскочив с ковра, начал всех нас обнимать, целовать и благодарить самым сердечным тоном, высказывая свое братское спасибо.

Понятное дело, что обоюдные тосты следовали один за другим, шампанское лилось, закуска уничтожалась, и все были в самом веселом расположении духа. Рассказам не было конца, но вся беда заключалась в том, что мы плохо объяснялись по-немецки, а Брем очень мало понимал по-русски, — зато всевозможная мимика была в самом обширном приложении и рельефно дополняла недосказанное или что-либо непонятное.

Между прочим, я проговорил Брему русскую непечатную скороговорку, напоминающую о том, как щебечет ласточка. Сандзер перевел Брему содержание слов и, вероятно, довольно удачно, так как знаменитый натуралист пришел в восторг от самого подражания и в свою очередь сказал на этот же мотив речитативный стих из сочинений какого-то неизвестного немецкого поэта. Словом,

нашему общему веселью на охотничьем привале не было конца, но все это вышло так прилично и чинно, что не проявлялось ни одной черты, которая напомнила бы о какой-либо невоздержанности пьяного разгула, — напротив, все были в своей тарелке и только дружески чествовали своего дорогого собрата.

Брем все это хорошо понимал и потому еще более ценил приятельскую овацию, где не было ни одного пятнышка. Он с особенным удовольствием пил, как природный сибиряк, хороший чай и не забывал с бокалом в руке благодарить не только всех нас, но предложил тост за расторопного официанта Афанасия Панкратьевича и Федота Спиридоновича, так ловко управлявшего кормовым веслом на нашей лодке.

На привале мы пробыли, вероятно, не менее трех часов, отдохнули как следует и, наконец, собравшись с новыми силами, сев в лодку, отправились на другое место. Так как переезд был не маленький, то развеселившийся Брем всю дорогу то рассказывал нам немецкие анекдоты, то напевал скабрзные шансонетки. Одну из последних, крайне игривую по содержанию и мотиву, он, по просьбе лесничего Турчановича, записал ему в книжку на память о себе и этом дне, проведенном им в нашей дружеской компании.

Но вот кто-то вытащил из лодки дупеля и

начал разглядывать. Брем тотчас взял его и, перебирая в руках, сказал с немецким акцентом.

— Эта молода.

Мои товарищи тоже повертели в руках долгоносика, повидагивали с разных концов перья и, пробуя отмякшие зорьки, как бы неохотно или сомневаясь, но в угоду Брему, подтвердили слова натуралиста.

Я же, вспомнив приемы моего отца, известного охотника своего времени, заметил, что все господа сотоварищи, кажется, ошибаются в определении, а потому взял этого же дупеля за одну нижнюю половинку носа (или клюва), потряс в руке и, видя, что половинка нисколько не поддается от тяжести всего долгоносика, а крепко держит тушку птицы, сказал.

— Нет, господа, это старый! Не судите по перьям, хотя и они не говорят о его молодости; а вот это лучшее доказательство — потому, что у молодого дупеля, особенно в такое раннее время, никогда нижняя часть клюва не выдержит всей тяжести птички и всегда изогнется, вот так. Я помню, как это дельвал мой отец и никогда не ошибался.

Тут Брем, хорошо следивший за моим приемом, встал в лодке на ноги, ударил меня дружески по плечу и громко сказал.

— Рихтиг! Рихтиг*! Это старый.